

ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА POLITICAL SCIENCE

Сакаев В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе. DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_45 // Антиномии. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 45–72.

УДК 323.225

DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_45

Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе

Сакаев Василь Тимерьянович

Национально-исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
E-mail: sakaev2003@mail.ru

*Поступила в редакцию 09.03.2021, поступила после рецензирования 30.04.2021,
принята к публикации 05.05.2021*

Статья посвящена изучению подходов к определению и характеристик ряда понятий, таких как «радикализм», «радикал», «радикальный», и категории «радикализация» в современной зарубежной литературе. В качестве метода исследования автором используется сравнительный анализ наиболее распространенных подходов, представленных в зарубежной литературе. В публикации рассматриваются история возникновения и процесс эволюции изучаемых понятий, их первоначальное и современное значения, отраженные в зарубежной научной литературе. Продемонстрирована неоднозначность границ указанных понятий при наличии общих подходов различных исследователей к определению их сущности, что позволяет говорить об их относительном характере. Определены признаки феномена радикализации,

© Сакаев В.Т., 2021

обозначены особенности таких описываемых в научной литературе разновидностей радикализации, как насильственная радикализация, террористическая радикализация и ненасильственная радикализация. Наглядно показано соотношение категории «радикализация» с понятиями «экстремизм», «насильственный экстремизм», «ненасильственный экстремизм». При этом акцентировано внимание на их принципиальных отличиях, выделяемых в изученных автором работах, в том числе в плане отношения к политическому насилию. Одновременно продемонстрированы двойственность и неоднозначность существующих подходов, а также принципиальные расхождения во взглядах разных исследователей относительно определения характеристик процесса радикализации. Сделан вывод о недостаточности трактовки понятия «радикализация» исключительно как процесса «превращения в террориста». Подчеркнуто, что радикализация далеко не всегда становится частью так называемого террористического конвейера и что подобный подход слишком узок и однобок. Обозначена важность возврата к традиционной трактовке сущности понятия «радикализация», согласно которой это явление, прежде всего, предстает как процесс распространения радикальных идей, вне зависимости от их отношений к насилию как средству достижения целей. Выделены также уровни и траектории процесса радикализации – аналитический инструментарий, который вполне продуктивно «работает» при изучении этого явления, что может рассматриваться как новый вклад в развитие данного направления исследований.

Ключевые слова: радикализм, радикализация, экстремизм, терроризм, исследование, критика, новые подходы, зарубежная литература

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31642.

The Concept of “Radicalization”: an Overview of Scientific Approaches in Modern Foreign Literature

Vasil T. Sakaev

Higher School of Economics, Moscow, Russia

E-mail: sakaev2003@mail.ru

Received 09.03.2021, revised 30.04.2021, accepted 05.05.2021

Abstract. The article is devoted to the research of definition and the comparative analysis of characteristics of a number of concepts, such as “radicalism”, “radical” “radical ideology” and the term “radicalization”, derivative of them, in modern foreign literature. The study method is a comparative review of the most common approaches reflected in foreign literature. The author considers the history of the emergence and the process of evolution of the studied concepts, their original and modern meaning, reflected in foreign scientific literature. The ambiguity of the boundaries of these concepts has been demonstrated, while highlighting the common approaches of various researchers to determining their essence, which allows us to talk about their “relative nature”. The signs of such a phenomenon as “radicalization” are highlighted, as well as the features of such varieties of “radicalization”

identified in the scientific literature as “violent radicalization”, “terrorist radicalization” and “non-violent radicalization”. The relationship of the concept of “radicalization” with such terms as “extremism”, “violent extremism”, “non-violent extremism” is clearly shown. At the same time, attention is also focused on their fundamental differences allocated in the works under study, as well as on the attitude to political violence. The duality and ambiguity of existing approaches, fundamental differences in the views of different researchers regarding the definition of the characteristics of the “radicalization” process are shown. The conclusion was made about the limitation of the approach, which characterizes the concept of “radicalization” exclusively as a process of “transformation into a terrorist”. It was emphasized that “radicalization” is far from always part of the so-called “Conveyor Belt to Terrorism”, and such an approach is too narrow and lopsided. The importance of returning to the traditional understanding of the essence of the concept of “radicalization”, which considered this phenomenon, is outlined primarily as a process of disseminating radical ideas, regardless of their relationship to violence as a means of achieving goals. The levels and trajectories of the “radicalization” process that can be used in the analysis of this phenomenon are identified, which can be considered as a new contribution to the study of this phenomenon.

Keywords: radicalization; extremism; terrorism; research; criticism; new approaches; foreign literature

Acknowledgements: The study was funded by RFBR and EISR under research project № 20-011-31642.

For citation: Sakaev V.T. The Concept of “Radicalization”: an Overview of Scientific Approaches in Modern Foreign Literature, *Antinomies*, 2021, vol. 21, iss. 2, pp. 45-72. (in Russ.) DOI 10.17506/26867206_2021_21_2_45.

Введение. В настоящее время исследование феномена радикализации продолжает вызывать значительный интерес, что обусловлено процессами, протекающими в современном мире, в том числе разного рода конфликтами, связанными с проявлениями политического насилия, нередко в форме экстремизма и терроризма. Термин «радикализация» давно прочно вошел в политический дискурс и научный оборот, активно используется в различных контекстах, однако при этом мы можем констатировать значительную эволюцию во взглядах на сущность этого феномена, а также серьезные противоречия между исследователями в трактовке его содержания. Фактически слова «радикальный» и «радикализация» означают разные вещи для разных людей (Schmid 2004: 375).

Одновременно мы наблюдаем распространение разного рода идеологий, уже привычно обозначаемых в СМИ и в научных публикациях как *радикальные*, и часто становимся свидетелями событий, связанных с движениями, которые сами себя позиционируют или идентифицируются другими как радикальные. Все эти явления, по нашему мнению, весьма неоднородно связаны с понятием «радикализация».

В целом можно констатировать, что отечественная научная литература все еще не выработала четких концептуальных рамок для понятия «радикализация», а попытка использования термина «радикализация» лишь относительно факта вступления в вооруженные группировки и участия

в насильственных действиях, как нам представляется, ограничивает его «рабочий» объем. На наш взгляд, радикализация, прежде всего, представляет собой распространение в обществе радикальных идей, которые, в свою очередь, часто становились «приводным ремнем» социальных и политических трансформаций, зачастую практически не связанных с насилием. Более того, большинство людей с радикальными взглядами (в рамках классической трактовки процесса радикализации) в реальности не прибегают к насилию (см. об этом: Сокирянская 2019). Можно согласиться с мнением ряда исследователей, утверждающих, что «радикализироваться не означает стать террористом: далеко не все люди, разделяющие радикальные или экстремистские взгляды, решаются на акты насилия» (Williams 2016). Например, мы знаем из истории немало примеров различных движений гражданского сопротивления или борьбы за гражданские права, которые в принципе отвергали насилие как метод борьбы, несмотря на свои радикальные взгляды и требования. Таким образом, радикализация как процесс не может быть признана безусловно связанной с насилием и потому нельзя ее считать априори преступлением. Тем более что, по мнению некоторых авторов, «при определенных условиях радикализироваться может каждый» (Williams 2016).

Как известно, сами термины «радикал», «радикализм» и «радикализация» имеют западное происхождение. Более того, их новое прочтение также зародилось на Западе в середине 2000-х гг. В связи с этим представляется важным рассмотреть происхождение, эволюцию и современное состояние исследования соответствующих понятий в зарубежной литературе, определить сущность и основные характеристики данного процесса. Интересно проследить сложившиеся в зарубежной науке подходы к трактовке этих понятий и их взаимосвязь с другими категориями, например такими как «экстремизм» и «терроризм».

1. Понятия «радикал», «радикализм», «радикализация». Считается, что «дать общее определение радикализации очень непросто, поскольку оно существенно изменялось в ходе развития данного концепта. Начиная с середины 2000-х годов теория радикализации прошла достаточно серьезную эволюцию – от первоначальных, достаточно примитивных подходов, до современных, более многогранных и менее идеологизированных. Изначально под радикализацией подразумевался процесс принятия индивидом или группой радикальных идей, результатом чего становилась вовлеченность в насильственные, террористические действия. Однако сейчас такое понимание не пользуется широкой поддержкой» (Стародубровская 2020: 194). Здесь можно согласиться, что явление «радикализация» действительно очень сложно и многогранно, однако вызывает сомнение утверждение о том, что трактовки, которые давались этому понятию, а также категориям «радикал» и «радикализм» в середине 2000-х гг., следует считать «первоначальными». На самом деле они также суть проявления новых тенденций, сложившихся в мире после начала глобальной войны с терроризмом. Попробуем разобрать эти понятия более подробно.

Действительно, в ходе истории «радикализм» как понятие в значительной степени менял свой смысл. В XIX в. многие политические партии, называвшие себя радикальными, выступали лишь за введение демократии, в которой право голоса по определению не связано ни с владением имуществом, ни с гендерной принадлежностью; большинство из них являлись реформистскими, а не революционными, и радикалы в основном были ненасильственными активистами. Следует отметить, что некоторые радикальные требования XIX в. стали сегодня частью основополагающих прав человека и гражданина. Иными словами, содержание понятия «радикал» довольно резко изменилось чуть более чем за столетие: если в XIX в. термин «радикал» относился, в первую очередь, к либеральным, антиклерикальным, продемократическим, прогрессивным политическим позициям, то современное использование имеет тенденцию охватывать скорее антилиберальную, фундаменталистскую, антидемократическую и регрессивную повестку (Schmid 2013: 7). Насколько верно это утверждение?

В настоящее время в зарубежной литературе можно выделить несколько основных подходов к понятию радикализации.

Согласно первому подходу радикализация – это процесс обращения к насилию как средству преобразований. Так, Д. Делла Порта приводит несколько общепринятых в середине 2000-х гг. определений понятия «радикализация», и все они, с некоторыми особенностями, трактуют этот процесс через призму приверженности, распространения и эскалации насилия (см.: Della Porta 2008). Причем многие авторы рассматривают радикализацию как движение исключительно к терроризму. Как указывает М. Седжвик, «“радикализация” в настоящее время становится стандартным термином, используемым для описания, что происходит до того момента, как бомба сработает» (Sedgwick 2010: 479).

Другой подход связан с попыткой разделить явление радикализации на *радикализацию в классическом виде* и *насильственную радикализацию*. Например, по мнению А. Дальгард-Нельсен под понятием «радикал» следует подразумевать человека, питающего глубокое стремление к фундаментальным социально-политическим изменениям, а «радикализация» – это не что иное, как растущая готовность продолжать и поддерживать эти далеко идущие изменения в обществе, которые противоречат существующему порядку или представляют прямую угрозу для него; под «насильственной радикализацией» указанный автор понимает «процесс, в котором радикальные идеи сопровождаются формированием готовности непосредственно поддерживать насильственные действия или участвовать в них» (Dalgaard-Nielsen 2010: 798).

Сторонники третьего подхода призывают различать понятия «радикализация» и «экстремизм». Так, А. Шмид подчеркивает, что исторически радикализм часто был силой прогресса, поэтому его производная – «радикализация» – не обязательно тождественна терроризму (Schmid 2013: 6-7). А. Шмид, как нам представляется, обозначил важное различие между радикализмом и экстремизмом, указав, что последнее – это «проявление ограниченного мышления и стремления создать гомогенное общество,

базирующееся на жестких, догматических, идеологических принципах, которые призывают подавлять любое инакомыслие и субъектность меньшинств», в то время как радикализм – «это беспристрастное принятие различий и вера в силу разума в большей степени, чем в догму» (Schmid 2013: 9). То есть сторонники этого подхода признают, что «радикализация» не обязательно должна быть связана с насилием и террором, но даже если это имеет место, насилие со стороны радикалов имеет иной характер, нежели насилие со стороны экстремистов.

Сторонники еще одного подхода говорят об относительности понятия, его зависимости от конкретного контекста. Например, М. Седжвик предполагает, что через термин «радикализация» может быть наилучшим образом позиционирована активность применительно к политическому мейнстриму, по крайней мере в контексте демократических обществ, поэтому необходимо отказаться «от идеи, что “радикал” или “радикализация” являются абсолютными понятиями, для признания по существу относительного характера терминов» и надо быть очень осторожными в определении умеренности и радикальности в каждом конкретном контексте (Sedgwick 2010: 479). Кстати сказать, подобный подход отражен и в некоторых правительственных документах, к примеру в определении канадского правительства радикализация описывается как процесс, с помощью которого «отдельные лица привносят в открытую идеологическую систему идеи и убеждения, которые поощряют движение от умеренных, основных убеждений к крайним взглядам» (Schmid 2013: 7).

Здесь следует отметить, что имеет место попытка, предпринятая Кларком Маккалли и Софией Москаленко, обосновать различие между «активизмом» и «радикализмом». Авторы исходят из предположения, что первое является «готовностью участвовать в правовых и ненасильственных политических действиях», а второе – «готовностью участвовать в незаконных и насильственных политических действиях» (Moskalenko, McCauley 2009: 240). Однако, как верно замечает А. Шмид, такое определение сразу ставит вопрос о том, с помощью каких стандартов (общепризнанных мировым сообществом или только закрепленных в национальном законодательстве отдельных стран) измеряются «правовые» и «незаконные» действия, и отсюда следует, что вне контекста демократических государств эта концепция теряет свою объяснительную силу, к тому же история знает много примеров ненасильственных радикалов и узаконенного насилия (Schmid 2013: 7). Джонатан Гитенс-Мазер также подверг критике предложенное Софией Москаленко и Кларком Маккалли разграничение, предлагая свое определение радикализма как «коллективного выражения индивидуально чувствуемой моральной обязанности участвовать в прямых действиях, законных или незаконных» (Sedgwick 2010: 483).

Марк Седжвик подчеркивает, что повсеместность использования термина «радикализация» в настоящее время как бы предполагает установившийся консенсус относительно его значения, но фактически нынешнее содержание термина («описание того, что происходит до момента, когда бомба сработает») имеет недавнее происхождение, и, более того, сам тер-

мин понимается и используется различными способами (как минимум в трех различных контекстах: контексте безопасности, контексте интеграции и внешнеполитическом контексте, каждый из которых может иметь по меньшей мере два дискурса из нескольких – аналитический, официальный, общественный или политический), что само по себе уже создает серьезную путаницу (Sedgwick 2010: 479).

Как убедительно показывает в своем исследовании М. Седжвик, до 2001 г. термин «радикализация» редко упоминался в прессе, хотя иногда и использовался в научных кругах. Затем в 2005–2007 гг., в частности после мадридских взрывов в марте 2004 г. и лондонских взрывов в июле 2005 г., последовал резкий рост упоминания термина «радикализация», что было связано с таким явлением, как «домашний терроризм» (*home-grown terrorism*), и возникшей необходимостью объяснить его происхождение. Начиная с 2005 г. большинство западноевропейских стран разработали программы «дерадикализации», в результате чего произошла фактическая институционализация термина «радикализация» (Sedgwick 2010: 480).

По мнению Питера Неймана, происхождение нынешнего определения термина связано с тем, что давний и устоявшийся дискурс о «коренных причинах» терроризма и политического насилия, который можно было проследить до начала 1970-х гг., после событий 11 сентября 2001 г. внезапно оказался неудобным с точки зрения определения истоков терроризма, поскольку, по мнению некоторых, мог быть истолкован как попытка объяснить и оправдать убийства ни в чем не повинных гражданских лиц, и только через понятие «радикализации» стало возможно вновь возобновить научную дискуссию (Sedgwick 2010: 480). С этим утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку подобный подход, как указывалось выше, фактически устанавливает прямую связь между радикализацией и террористическим актом.

М. Седжвик пишет, что изначально термин «радикал» ассоциировался с определениями «оппозиционный, противоположный умеренному», и, следовательно, лишь в этом контексте он мог рассматриваться как синоним понятия «экстремист», то есть сторонник крайностей, а «радикализация», в свою очередь, трактовалась как процесс движения от умеренных к крайним позициям (Sedgwick 2010: 481). Исследователь резонно задается вопросом: по каким критериям и относительно чего следует провести черту, отделяющую умеренность от крайних позиций? При том, по оценке М. Седжвика, в разных научных работах радикализм пытались противопоставлять умеренности, «нормальности», реформизму, социальной и политической апатии и т.д. (Sedgwick 2010: 481-483). В результате получался сложный для понимания и применения калейдоскоп критериев радикальности.

Анализ официальных определений понятия «радикал», принятых в правительственных документах пяти стран, позволил М. Седжвику выделить три общих пункта: радикал – это не то же самое, что террорист (террорист считается радикалом, но радикал не считается террористом или, по крайней мере, еще не является террористом); радикал в целом

определяется со ссылкой на понятие «экстремист»; большинство определений рассматривает радикала как угрозу (Sedgwick 2010: 483). В итоге он пришел к выводу, что может быть выделено понятие «угрожающий радикализм» (*threat-radicalism*), который не является равнозначным категории «радикализм» в целом (Sedgwick 2010: 481-484). Выделение такой промежуточной формы представляется нам более взвешенным подходом с учетом того, что большинство других определений радикализма связывают его с насилием или рассматривают насилие как обязательную и даже центральную часть проблемы радикализма. Однако здесь возникает вопрос об обоснованности уравнивания понятий «радикал» и «экстремист». Насколько они равнозначны? Безусловно, эти правительственные документы не претендуют на статус научных исследований, однако, хотим мы того или нет, они в определенной степени формируют исследовательский дискурс, поскольку ни один эксперт не может их игнорировать.

Несколько промежуточный вариант трактовки предложен редакцией «Журнала по изучению радикализма» (*Journal for the Study of Radicalism*), который определяет понятие «радикалы» через противопоставление его понятию «реформаторы» для обозначения групп, стремящихся к революционным альтернативам для гегемонистских социальных и политических институтов и использующих насильственные или ненасильственные средства противодействия власти и осуществления перемен (см. об этом: Christoyannopoulos, Fiscella 2019: 497). Подобный подход, в нашем понимании, выглядит в значительной мере конъюнктурным хотя бы потому, что в историческом прошлом часто реформаторы считались радикалами. Применяя его, мы фактически «затушевывали» бы длительную историю существования этого термина. И в недавнем прошлом, и в настоящее время мы можем выделить немало радикальных реформаторов. Например, реформы М.С. Горбачева – А.Н. Яковлева в СССР или Б.Н. Ельцина – Е.Т. Гайдара в современной России вполне можно трактовать как «радикальный реформизм».

К. Маккали и С. Москаленко подчеркивают, что существует много возможных значений понятия радикализации, но большинство из них соотносятся с обычными социальными и психологическими различиями между верой, чувствами и поведением. Причем именно радикализация поведения вызывает у них наибольшую озабоченность. К. Маккали и С. Москаленко выделяют понятие «политическая радикализация», которая, по их мнению, есть проявление «изменений в убеждениях, чувствах и действиях по поддержке и готовность жертвовать во имя межгруппового конфликта» (McCauley, Moskalenko 2008: 416) и которая может пониматься «как аспект усиления крайности убеждений, чувств и поведения в поддержку межгрупповых конфликтов и насилия» (McCauley, Moskalenko 2008: 428). То есть радикализация де-факто может выступать как многоуровневый процесс, при этом только некоторые ее аспекты признаются несущими угрозу.

Вообще говоря, до терактов 11 сентября 2001 г. исследования по радикализации, как правило, были разобщены, ученые не прилагали усилий для интеграции программ с опорой на разные подходы, отсутствовала единая

повестка для выработки направлений научного поиска. В настоящее время «радикализация» остается спорной концепцией, где по-прежнему нет консенсусного определения, поскольку некоторые ученые отвергают эту концепцию в целом, другие используют ее исключительно для описания процессов, которые завершаются применением насилия, а третьи – включают в проблемное поле как насильственные, так и ненасильственные формы экстремизма (Neumann, Kleinmann 2013: 362).

Как указывает Р. Борум, в течение десятилетия, начиная с 2001 г., Соединенные Штаты и их международные партнеры «метались» между ведением войны против Аль-Каиды, против терроризма, борьбой с «насильственным экстремизмом» и борьбой с идеями и попытками завоевать сердца и умы. В результате этих «метаний» они столкнулись с тем фактом, что силы противника, несмотря на наносимые потери, продолжают восполняться и расширяться. Было необходимо найти возможные способы остановить поток новых сторонников терроризма; в итоге возникла идея сосредоточиться на «радикализации» – процессе развития экстремистской идеологии и убеждений как предвестника терроризма. Предполагалось, что если организовать противодействие идеологическому движению противника, а затем способствовать его смягчению или устранению силы идеологии, то это уменьшит ряды врагов (Borum 2012b: 1).

Питер Нейман и Скот Клейнман пишут, что отличать литературу по радикализации от более широкого корпуса литературы по терроризму и борьбе с терроризмом становится все сложнее, и не в последнюю очередь потому, что *борьба с терроризмом вполне может быть одной из «коренных причин» радикализации* (Neumann, Kleinmann 2013: 366). Получается практически замкнутый круг: чрезмерное насилие или неумелые действия властей в ходе борьбы с терроризмом порождают ответную радикализацию, которая «подпитывает» террористические силы. В качестве выхода они предложили использование максимально широкого определения радикализации «как чего-либо, что относится к тому, как и почему люди становятся экстремистами» (Neumann, Kleinmann 2013: 366). Правда, в этом случае авторы устанавливают прямую связь процессов радикализации с экстремизмом, с чем мы не можем в полной мере согласиться.

Выработаны и противоположные точки зрения. Например, А. Бюттичер подчеркивает, что смысл термина «радикализм», несомненно, претерпел длительную трансформацию в течение более чем 200 лет. По своему содержанию этот термин первоначально являлся маркером просвещенных, либеральных и даже левых политических образований, противостоящих реакционным политическим учреждениям. Радикализм стал политической доктриной, вдохновляющей республиканцев и участников национальных движений, приверженных индивидуальной и коллективной свободе и эмансипации и направленных против монархического и аристократического *status quo* после 1815 г. В то время радикализм был в основном антиклерикальным, антимонархическим и продемократическим. Политические оппоненты в прошлом часто стремились представить радикализм как революционный, преимущественно левый, а главное, как «подрывную

силу», что в последнее время применяют часто и к религиозному радикализму. Однако, как указывает А. Бюттичер, исторически радикализм более тесно был связан с прогрессивным реформизмом, чем с утопическим экстремизмом – явлением, возникшим гораздо позже и развивавшимся параллельно. Считаем уместным привести его развернутое определение, подчеркивающее принципиальные особенности радикализма и экстремизма: «Радикализм относится к политической доктрине, принятой общественно-политическими движениями в пользу как индивидуальной, так и коллективной свободы и освобождения от правления авторитарных режимов и иерархически структурированных обществ. В этом смысле радикализм, ратующий за радикальные политические перемены, представляет собой форму враждебности против status quo и его установлений... Радикализм как идеологическое мышление, как правило, очень критичен по отношению к существующему status quo, преследуя цель перестройки и/или свержения устаревших политических структур. Своими противниками радикалы часто изображаются насильственными; но это только отчасти правильно, поскольку радикализм, как правило, ассоциируется исторически больше с прогрессивным реформизмом, чем с утопическим экстремизмом, прославляющим насилие, которое он отклоняет. Радикализм эмансипативен и не стремится подчинять людей и обеспечивать подчинение, как экстремизм. Радикальные дискурсы содержат утопические идеологические элементы, но они не прославляют далекое прошлое. Несмотря на нежелание поступиться своими идеалами, радикалы открыты для рациональных аргументов в отношении средств достижения их целей. В отличие от экстремистов, радикалы не обязательно выбирают крайние средства для достижения своих целей. В противоположность экстремистам, которые отвергают экстремистский ярлык, радикалы, как правило, открыто самоидентифицируют себя как радикалов» (Bötticher 2017: 74-75).

Также А. Бюттичер приводит следующие основные различия между радикализмом и экстремизмом: «Под радикализмом и экстремизмом понимаются социально-политические силы, существующие на краях либерально-демократического общества. Несколько элементов могут помочь нам отличить один от другого:

1. Радикальные движения, как правило, используют политическое насилие прагматично и избирательно, в то время как экстремистские движения рассматривают насилие против своих врагов как законную форму политических действий и склонны принимать крайние формы массового насилия как часть своего политического кредо.

2. Оба “-изма” содержат повествовательную ссылку на то, что лежит за пределами настоящего. В случае экстремизма есть сильный палингенетический элемент; радикализм больше смотрит на “золотое будущее” для всех, чем стремится к восстановлению якобы “золотого прошлого” для приверженцев собственного вероучения.

3. Экстремизм по своей природе является антидемократическим; он направлен на отмену конституционной демократии и верховенства права. Радикализм является эмансипативным, а не антидемократическим.

Экстремистские движения не могут быть интегрированы в либерально-демократические общества из-за их нетерпимости к идеологиям, отличным от их собственной. Демократии могут жить с радикалами, но не с бескомпромиссными, агрессивными экстремистскими боевиками.

4. Экстремисты открыто противостоят понятию универсальных прав человека и тем институтам, которые служат поддержанию их для всех. Радикализм не противится равным правам человека; исторически прогрессивные радикалы стремились распространить права человека на обездоленные слои населения.

5. Экстремисты хотят закрыть открытый “рынок идей”. Радикалы одновременно выступают за путь действий, который сильно отличается от сохранения status quo, но не стремятся закрывать открытые общества и разрушать разнообразие в обществе, что желают осуществить экстремисты. Вопреки радикализму, экстремизм является крайним как в своих целях, так и в выборе средств для их достижения.

6. Радикализм выступает в бунтарской оппозиции против истеблишмента; экстремизм, в свою очередь, направлен не только против истеблишмента, но и против всех тех, кто не принимает его догматических рецептов трансформации общества.

7. Когда они численно слабы, радикалы могут перейти из основного общества в формат упорного изоляционизма / нишевой культуры, сосуществующей с различными сообществами и не ищущей постоянной прямой конфронтации с основным обществом. С другой стороны, экстремисты постоянно ведут провокационную и агрессивную деятельность, направленную против установленного порядка.

8. Экстремизм характеризуется специфической моралью, действительной только для его собственных членов. Радикализм же ориентирован в большей степени на универсальную мораль.

9. Понятие экстремизма тесно связано с авторитарными диктатурами и тоталитаризмом. Исторически сложилось так, что радикализм был более эгалитарным и менее элитарным, в то время как экстремисты часто являются расистами, выступающими против суверенитета простых людей.

10. Радикализм сильно опирается на политическое наследие Просвещения XVIII века с его идеями о человеческом прогрессе и его вере в силу разума. Экстремизм, в свою очередь, связан с иррациональными, обычно религиозными и фанатичными системами убеждений, которые претендуют на монополию истины, на основе которой они стремятся трансформировать общество в соответствии с их ретроградным видением» (Bötticher 2017: 75-76).

В целом А. Бюттичер утверждает, что, хотя радикализм и экстремизм находятся на крайних позициях и хотя и те и другие могут применять насилие в достижении своих целей, у них принципиально разное отношение к нему, а значит, критерий применения насилия нельзя использовать как основание для уравнивания этих двух явлений; они по существу разные.

Таким образом, мы видим широкий спектр подходов к определению понятия «радикализация», значительная часть из которого обусловлена конъюнктурой глобальной борьбы с терроризмом. В стремлении содействовать этой борьбе фактически произошло «размывание» границ понятия «радикализация» и смешивание его с понятиями «экстремизм» и «терроризм». Лишь часть исследователей, в частности А. Бюттичер, отстаивают классическое определение понятия «радикализм» как приверженности взглядам, отличным от мейнстрима, и не допускают смешивания его с другими понятиями. И только некоторые ученые предпринимают попытки найти компромиссное объяснение содержания этого понятия, выделив некую промежуточную категорию (например, «насильственная радикализация»). В этой связи представляется необходимым более подробно осветить подходы исследователей к определению разновидностей процесса радикализации.

2. Разновидности радикализации. Д. Барлетт и К. Миллер предложили четко разграничивать два вида радикализации. Первая из них – насильственная радикализация, или радикализация, ведущая (приводящая) к насилию (*violent radicalization*), – представляет собой, по мнению указанных авторов, процесс, в ходе которого отдельные лица приходят к принятию насилия, напрямую участвуют или помогают в террористической деятельности; второй вид – радикализация, не приводящая к насилию, ненасильственная радикализация (*non-violent radicalization*), – трактуется как процесс, с помощью которого отдельные лица приходят к поддержке радикальных взглядов в отношении *status quo*, но не принимают, не участвуют и не помогают террористической деятельности.

Таким образом, вводится новое понятие «ненасильственная радикализация», которое фактически остается в правовом поле, причем Д. Барлетт и К. Миллер утверждают, что среди радикалов ее представители составляют большинство, по крайней мере более широкую когорту, чем лица, охваченные «радикализацией, ведущей к насилию». Они подчеркивают, что, хотя путь к терроризму часто описывается как процесс радикализации, сама по себе последняя является скорее процессом, в ходе которого личность знакомится с откровенно идеологическим посланием или системой убеждений, стимулирующими ее движение от приверженности умеренным взглядам, от мейнстрима, к крайним взглядам. Поэтому «быть радикалом означает отвергать *status quo*, но не обязательно в насильственной или даже проблематичной манере», и, хотя «некоторые радикалы ведут, поддерживают или поощряют терроризм, многие другие радикалы не делают этого и активно и часто эффективно агитируют против него» (Bartlett, Miller 2012: 2).

Причем исследователи ставят под сомнение и степень воздействия радикальной среды (ненасильственного характера) на процессы радикализации, ведущей к насилию (Bartlett, Miller 2012). Как уже упоминалось выше, А. Шмид подчеркивал, что термин «насильственная радикализация» в Европе был включен в академическую дискуссию после взрывов бомб в Мадриде (2004) и Лондоне (2005) политиками, придумавшими его, и он стал

своего рода «политическим шибболетом», несмотря на отсутствие точности в его формулировках (Schmid 2013).

Так, применительно к исламскому контексту, что сейчас крайне актуально за рубежом, ненасильственными радикалами, по мнению Д. Барлетта и К. Миллера, следует считать тех, кто выражает значительное несогласие с преобладающими нормами, например в случае, если одно или несколько мнений индивида в достаточной степени отличаются от общестранового отношения своей ортодоксальностью по одному или нескольким ключевым вопросам религиозного, социального, политического или культурного характера (отношения между церковью и государством, роль религии в правовой системе и т.п.) или по вопросу о правильности применения силы в международных конфликтах по борьбе с терроризмом. При этом степень ненасильственного радикализма также может существенно различаться (например, индивид одобряет внедрение норм шариата или же уже активно агитирует за это) (Bartlett, Miller 2012).

«Группа экспертов по насильственной радикализации» (учреждена Европейским союзом в 2006 г.), предложила в 2008 г. следующее рабочее определение насильственной радикализации: это социализация в сторону экстремизма, которая проявляется в терроризме (Radicalisation Processes... 2016: 284–285). Тем самым как бы объявляются тождественными понятия «насильственная радикализация», «экстремизм» и «терроризм», что, на наш взгляд, не совсем верно, поскольку насильственная радикализация, очевидно, может вести и к иным формам политического насилия, кроме терроризма.

Другие исследователи пытаются ставить знак равенства лишь между понятиями «насильственная радикализация» и «экстремизм», что также вызывает некоторые вопросы. Например, ключевой вопрос, разделяющий многих исследователей, заключается в том, что следует включать в понятие «экстремизм» – взгляды (идеи и убеждения) или только поведенческий экстремизм (совершенные действия). В таком случае получается, что в первом контексте «экстремизм» де-факто становится идентичным понятию «радикализм». Подобный подход закреплен и в некоторых правительственных документах; так, в 2015 г. британское законодательство определило экстремизм как «призывы или действия, противостоящие фундаментальным британским ценностям (включающим в себя демократию, верховенство права, свободу личности и взаимное уважение и толерантность к различным религиям и верованиям), также как призывы к убийству военнослужащих британской короны» (Pilkington 2019).

С подобной трактовкой не согласен А. Шмид, который подчеркивает, что, «хотя радикалы могут быть насильственными или ненасильственными, они в то же время могут быть демократами или нет, а экстремисты никогда не являются демократами. Их образ мышления не терпит разнообразия. Они также поддерживают применение силы для получения и сохранения политической власти, хотя они могут быть расплывчатыми и двусмысленными по этому поводу в своих публичных заявлениях, особенно когда они все еще находятся в уязвимом положении.

Экстремисты, как правило, имеют негибкое «закрытое мышление», придерживаясь упрощенной однофакторной интерпретации мира, где вы находитесь либо с ними, либо против них, являетесь или частью проблемы, или частью ее решения. Радикалы, напротив, исторически имели тенденцию быть более открытыми к рациональности и прагматичному компромиссу, не отказываясь от поиска корня проблемы (первоначальное значение слова «радикал» происходит от *radix*, латин. «корень», «коренной»). Радикализм изменяем – радикальный боевик может вернуться в мейнстрим, а среди экстремистских боевиков таких гораздо меньше. Поэтому имеет смысл различать (непредвзятых) радикалов и (замкнутых) экстремистов. Если это различие будет принято, то главной проблемой является не радикализация к радикализму (даже когда это приводит к некоторым формам политического насилия), но обращение к экстремизму (который положительно воспринимает насилие в политике и может привести к терроризму и другим серьезным актам, таким как геноцид)» (Schmid 2013: 10). На наш взгляд, это вполне состоятельный подход к проблеме; добавим, что также следует различать понятия «радикализация», «насильственный радикализм» и «экстремизм», которые, хотя и имеют некоторые общие черты, обладают принципиальными различиями.

Помимо указанных позиций необходимо упомянуть о том, что существуют два мнения западных органов безопасности и лиц, ответственных за контртерроризм, о так называемых *ненасильственных экстремистских организациях*: одни полагают их «конвейерными лентами» для некоторых своих членов организаций на пути к терроризму, в то время как другие считают их «огненной стеной», не позволяющей радикально настроенным молодым людям «скользить» дальше по направлению к терроризму, причем, как указывает А. Шмид, уже в самом названии «ненасильственный экстремист» заложено некоторое логическое противоречие (Schmid 2013: 10). Например, Королевская прокуратура Великобритании определяет «насильственный экстремизм» как «демонстрацию неприемлемого поведения с использованием любых средств или средств для выражения мнений, которые порождают, оправдывают или прославляют террористическое насилие в поддержку конкретных убеждений, включая те, которые провоцируют насилие (террористическое или преступное) по идеологическим, политическим или религиозным убеждениям и разжигают ненависть, которая ведет к насилию» (Schmid 2013: 10-11).

Как итог, подчеркивает А. Шмид, термины «насильственный экстремизм», «политическое насилие», «политический терроризм» и «терроризм» начинают использоваться взаимозаменяемо в научной литературе и в правительственных документах ряда стран; в результате нет четкого разграничения этих понятий (следовательно, делает вывод автор, необходимо признать их относительный характер) и появляется нежелательная тенденция уравнивания понятия «радикализм» с понятием «экстремизм» и их обоих – с понятием «терроризм», под которым понимается в целом использование антигосударственного политического насилия (Schmid 2013: 11).

Однако не всякое применение политического насилия является террористическим или экстремистским; также и политическое насилие, хотя и входит в противоречие с национальными законами, не всегда по сути своей незаконно, особенно в контексте народного сопротивления крайне репрессивным недемократическим режимам, как в случае «арабской весны» (Schmid 2013: 13).

Попытки осмыслить по существу оспариваемые и часто абстрактно используемые и нечеткие концепции, такие как «радикализм» и «экстремизм», с академической точки зрения (то есть без каких-либо политических коннотаций) могут выглядеть как бесполезное занятие. И радикализм, и экстремизм находятся на некотором отдалении от политического мейнстрима – политически умеренной позиции, основной в демократических обществах. При этом центристская позиция на политическом поле может сдвигаться, что делает определение радикальных и экстремистских крайностей более сложной задачей. Основной вывод, который сделала А. Бюттичер, как мы помним, заключается в том, что радикализм может быть расположен в границах демократического консенсуса, в то время как экстремизм однозначно лежит за его пределами. Хотя значения этих двух концепций могут иногда в определенной степени пересекаться, их не следует уравнивать. Столкнувшись с радикализмом демократические политические системы показали способность впитывать радикальные требования путем перехода на разумный компромисс. Имея дело с экстремизмом, демократические системы и плюральные общества не могут найти компромисс с догматическими требованиями, базирующихся на религиозных идеологических конструкциях, которые не получают разумной основы в социальных реалиях. Связи же между радикализмом и терроризмом еще более слабые, чем между экстремизмом и терроризмом. В этом смысле использование термина «радикализация» для обозначения поворота к конкретной форме политического насилия, а именно к терроризму, является, по мнению А. Бюттичер, прискорбным, но, возможно, тем не менее необратимым в нынешнем общественно-политическом дискурсе. Опасность же его заключается в том, что все формы «радикального восстания» – даже законное сопротивление коррумпированным и насильственным авторитарным режимам – могут быть теперь дисквалифицированы как «нелегитимный экстремизм», что создает опасный потенциальный эффект «влечения» продемократических радикалов в «объятия» антидемократических экстремистов. Многие авторитарные режимы склонны поддерживать идею уравнивания радикализма с экстремизмом, поскольку это позволяет им утверждать, что единственной альтернативой в нынешней геополитической ситуации является выбор между относительной стабильностью, которую только они якобы и могут предложить, и насильственным экстремизмом в форме джихадистского терроризма (Bötticher 2017).

Еще одним термином, активно используемым в настоящее время, как уже упоминалось, стал «ненасильственный экстремизм». К нему обращаются часто для обозначения исламистских фундаменталистов, которые не являются активными джихадистами и которые придерживаются

экстремистских взглядов без политической воли воплотить эти мысли в действия (Bötticher 2017). А. Бюттичер предложила для данного понятия следующее определение: «...экстремизм характеризуется идеологической позицией, занятой этими движениями против истеблишмента, которые понимают политику как борьбу за верховенство, а не как мирную конкуренцию между партиями с различными интересами в поисках народной поддержки для продвижения общего блага. Экстремизм существует на периферии общества и стремится завоевать центр, создавая страх перед врагами как внутри, так и вне общества. Они делят сограждан и иностранцев на друзей и врагов, не оставляют места для разнообразия мнений и альтернативных стилей жизни. Экстремизм в силу своего догматизма нетерпим и не желает компромисса. Экстремисты, рассматривая политику как «игру с нулевой суммой», склонны – если обстоятельства позволяют – участвовать в агрессивных боевых действиях, включая преступные действия и массовое насилие в своей фанатичной воле к обретению и удержанию политической власти. Там, где экстремисты получают государственную власть, они склонны разрушать социальное разнообразие и стремятся обеспечить всеобъемлющую гомогенизацию общества, основанную часто на вере в идеологию с апокалиптическими чертами. На уровне общества экстремистские движения являются авторитарными, и если экстремистские правители оказываются у руля власти, то они склонны становиться тоталитарными режимами. Экстремисты прославляют насилие как механизм разрешения конфликтов и выступают против конституционного государства, демократии на основе воли большинства, верховенства права и концепции всеобщих прав человека (Bötticher 2017: 74). Таким образом, даже между «ненасильственными экстремистами» и «радикалами» сохраняется огромная дистанция.

Подобную точку зрения выдвигает и А. Шмид, который выделяет на основе анализа исторического контекста два основных элемента радикализма, отражающих соответственно мысль/отношение и действие/поведение: 1. Выступление за радикальные политические перемены, основанное на убежденности в том, что *status quo* является неприемлемым, и в то же время радикально настроенным лицам представляется возможной принципиально иная фундаментальная альтернатива; 2. Средства, пропагандируемые для достижения радикального решения, преобразующего государственную и общественную системы, могут быть ненасильственными и демократическими (путем убеждения и реформ) или насильственными и недемократическими (посредством принуждения и революции) (Schmid 2013: 8). Таким образом, радикалы сами по себе не всегда характеризуются как насильственные, и, хотя они могут иметь определенные схожие характеристики с (насильственными) экстремистами, между ними также обнаруживаются существенные различия, например в отношении готовности прибегать к критическому мышлению; следовательно, радикальное отношение вовсе не должно приводить к насильственному поведению (Schmid 2013: 8).

Не менее активно используется в зарубежной литературе термин «террористическая радикализация» (*terrorist radicalization*) (Helmus 2009: 73).

Руководство, подготовленное ОБСЕ, дает следующее определение соответствующего понятия: «Террористическая радикализация – это процесс, в результате которого человек принимает террористическое насилие как допустимый или даже правильный образ действий. В конечном итоге это может, хотя и не обязательно, привести данное лицо к пропаганде или поддержке терроризма либо к участию в террористической деятельности» (Предупреждение терроризма... 2014, 41). Одновременно авторами этого руководства используется и термин «насильственный экстремизм», причем, судя по смыслу текста, этот термин, очевидно, рассматривается ими как синоним «террористической радикализации» или «радикализации, ведущей к терроризму».

Таким образом, говоря о разновидностях «радикализации», мы наблюдаем не меньшую путаницу, нежели с определением собственно самого понятия. Для того чтобы обеспечить решение практических задач, были выделены категории «насильственная радикализация» и «террористическая радикализация», которые фактически оказались близки или даже, возможно, идентичны понятию «насильственный экстремизм», при том что, как выше было убедительно показано, совершенно очевидны принципиальные отличия радикализма и экстремизма. Понятие «ненасильственный экстремизм» также не может рассматриваться как форма радикализации в ее классической интерпретации, а некоторые исследователи вообще не видят различия между насильственным экстремизмом и его ненасильственными формами (Schmid 2014). Можно попытаться осмыслить границы понятия «радикализация» через анализ его сущностных характеристик в работах зарубежных авторов.

3. Характеристики процессов радикализации. Имеется много попыток представления *насильственной радикализации* как процесса, состоящего из отдельных этапов, через которые проходят отдельные лица до совершения насилия.

Например, Департамент полиции Нью-Йорка выделяет в нем четыре отдельные и последовательные фазы: предрадикализацию, самоидентификацию, индоктринацию и джихадизацию (Bartlett, Miller 2012).

Р. Борум предлагает четырехэтапную концептуальную модель формирования «террористического мышления» на основе анализа истории нескольких насильственных экстремистских групп. Цель данной модели заключается в том, чтобы объяснить, как обиды и неудовлетворенность преобразуются в ненависть к определенной группе и как ненависть трансформируется – для некоторых – в оправдание или даже в стимул к насилию. Четырехэтапный процесс «запускается» с какого-либо события, условия или жалобы, воспринимаемых как неправильное действие, которое затем начинает трактоваться как целенаправленная несправедливость; далее следует обвинение определенной политики, отдельного человека, группы или даже нации как причины этой несправедливости, а уже на следующем этапе они очерняются и часто демонизируются, чтобы облегчить оправдание насилия или стимулировать агрессию (Borum 2012a: 39-39).

Фатхали Могоадам использует метафору «лестница из шести ступеней», где каждый шаг представляет собой необходимое психологическое условие для следующего. Так, мобилизация на базе этой лестницы привязываются к ситуации, когда люди испытывают чувство лишения и воспринимают те или иные события как несправедливые; затем они переходят к следующему шагу, когда начинают искать варианты борьбы с этой несправедливостью; на более поздних этапах человек отключается от общепринятых основных ценностей (Vorum 2012a: 38-39).

А. Глейс и К. Попе (Glees, Pope 2005) выдвинули тезис о существовании процесса «конвейерной ленты» от исламизма до терроризма, в частности они увидели взаимосвязь между деятельностью экстремистской исламистской группировки «Хизб ут-Тахрир» и исламских студенческих сообществ в университетских кампусах Лондона (и в других местах в Великобритании) и вербовкой британских студентов-мусульман в террористические организации (цит. по: Bartlett, Miller 2012: 13).

Между тем Д. Шанзер, К. Курцман и Э. Мусса по результатам исследования опыта молодых американских мусульман показали, что политический опыт и политическая мобилизация являются важнейшим фактором, препятствующим радикализации, «включая насильственную радикализацию» (Bartlett, Miller 2012: 7). Причем участие, в том числе в ненасильственных экстремистских организациях, очевидно, такой опыт молодым мусульманам может предоставить.

А. Вилнер и К.-Дж. Дуболоз считают, что «радикализация – это персональный процесс, в рамках которого индивидуумы принимают экстремистские политические, социальные и/или религиозные идеалы и стремления и оправдывают использование неизбирательного насилия для достижения определенных целей» (Wilner, Dubouloz 2010: 50), при этом подчеркивают, что «радикализация – это как ментальный, так и эмоциональный процесс, который подготавливает и мотивирует индивидуума к совершению насильственных действий» (Wilner, Dubouloz 2010: 38). Хотя в данной работе «радикализация» рассматривается исключительно как процесс приобщения личности к насилию, тем не менее, в ней подчеркивается, что «насильственное поведение происходит на заключительном этапе и является отражением укрепления и расширения возможностей новой идентичности, ценностей и системы убеждений» (Wilner, Dubouloz 2010: 48).

Определения же понятия «радикализация», принятые в национальных службах безопасности различных стран, демонстрируют значительное разнообразие подходов. Они, как правило, ориентированы на поддержание *status quo* и не сочувствуют тем, кто разочарован в существующем положении вещей и хочет изменить его иными, чем не ненасильственные, средствами:

1. «...процесс, в рамках которого человек в большей степени принимает использование недемократических или насильственных средств, включая терроризм, в попытке достичь конкретной политической/идеологической цели» (Датская служба безопасности и разведки) (Schmid 2013: 12);

2. «...осуществление и/или поддержка далеко идущих изменений в обществе, потенциально представляющих опасность для демократического

правопорядка, что может включать в себя использование недемократических методов, которые способны нанести ущерб функционированию демократического правопорядка» (Общая служба разведки и безопасности Нидерландов) (Schmid 2013: 12);

3. «...процесс принятия экстремистской системы убеждений, включая готовность использовать, поддерживать или содействовать насилию как методу осуществления социальных изменений» (Департамент национальной безопасности США) (Schmid 2013: 12);

4. Радикализация может быть как «процессом, который ведет к идеологическому или религиозному активизму для радикального изменения общества», так и «процессом, который приводит к тому, что человек или группа используют, поощряют или пропагандируют насилие в политических целях» (Шведская служба безопасности) (Schmid 2013: 12).

Таким образом, в первом случае упор делается на недемократические или насильственные средства, во втором идет речь о далеко идущих изменениях в обществе, в третьем – о принятии экстремистских убеждений и в последнем – о насилии в политических целях. Одни дефиниции на вопрос «радикализация в сторону чего?» отвечают: «в сторону политического насилия», другие – «в сторону терроризма» и третьи – «в сторону насильственного экстремизма» (Schmid 2013: 12).

Х. Пилкингтон определяет радикализацию как «процесс, с помощью которого отдельные лица или группы начинают разделять убеждения или принимать участие в действиях, которые поддерживают насилие в стремлении к экстремистским целям». Одновременно он указывает, что в научной литературе относительно процесса радикализации существует несколько ключевых споров: 1) это «абсолютное понятие» (связанное с фиксированным результатом, то есть с терроризмом или насильственным экстремистским поведением) или «относительное понятие», то есть обозначающее переход к более радикальной позиции независимо от того, является ли конечная позиция «экстремистской» или даже «насильственно экстремистской»? 2) обнаруживается ли этот конечный экстремизм в поведении или идеях? (Pilkington 2019).

Идею, что «радикализация» – это процесс любого смещения в сторону радикальной позиции, а не только конечный результат этого движения, выражающийся, например, в терроризме или в насильственных действиях, поддерживает также М. Седжвик (Sedgwick 2010), а о необходимости выделения двух уровней радикализации – уровня идеологии (установок и ценностей) и уровня поведения – заявляет А. Шмид (Schmid 2013: 18). При этом, по мнению ряда авторов, сосредоточение внимания на «процессе» позволяет политикам говорить о коренных причинах политического насилия и использовать анализ этих причин для обоснования политики и программ противодействия радикализации, в то время как критики такого подхода утверждают, что дискурс радикализации не приводит к объективному исследованию того, как возникает терроризм, но в нем доминирует стремление авторов контртеррористических стратегий разработать «индикаторы» радикализации, которые придали бы определенным группам населения

(особенно среди мусульман) характер «подозрительных общин» (Kundnani 2012: 5).

Омар Ашур определяет радикализацию как процесс относительных изменений, в ходе которого группа проходит через идеологическую и/или поведенческую трансформацию, ведущую к отказу от демократических принципов (включая мирную смену власти и легитимность идеологического и политического плюрализма) и, возможно, к использованию насилия либо расширению использования насилия для достижения политических целей (Ashour 2009). Некоторые исследователи стремятся различать в связи с этим насильственную радикализацию и ненасильственную радикализацию или вообще ставят под вопрос валидность самой концепции радикализации применительно к поиску причин терроризма (Koehler 2017).

Так, в качестве альтернативы Р. Борум предложил термин «радикализация в насильственный экстремизм» (*Radicalization into Violent Extremism*) для обозначения множества процессов, с помощью которых люди не только принимают убеждения, оправдывающие насилие, но и совершают его, и того, как они продвигались от мыслей к действию (Borum 2012b: 2). При этом он выделяет не только категорию «радикализация», которая для него означает процесс принятия крайних идеологий и убеждений, но и понятие «пути действия» для описания процесса участия в террористической деятельности или вовлечения в экстремистскую активность, что представляется достаточно интересным подходом.

Таким образом, в анализе характеристик процесса радикализации мы наблюдаем схожую ситуацию – абсолютно противоположные утверждения и смешение понятий. Причем существует очень широкий спектр подходов: от утверждения о полном отсутствии связи между радикализацией и терроризмом через признание вариативности результатов радикализации до сведения радикализации исключительно к процессу формированию террористов. Мы попробуем выявить, насколько обоснованы риски радикализации в работах зарубежных авторов, иными словами, посмотрим, как они описывают эти риски.

4. Риски радикализации. По нашему мнению, необходимо провести некоторую «реабилитацию» термина «радикализм». Радикализм как явление и радикализация как процесс не идентичны экстремизму и тем более терроризму. Здесь уместно привести ссылку на две выше упомянутые концепции, объясняющие роль радикализма в рамках исследований терроризма. Одна из них, как мы помним, утверждает, что радикализм становится первым шагом на пути «террористического конвейера» и ведет в конечном счете к вооруженному насилию, согласно другой радикализм выполняет роль «огненной стены», препятствующей распространению вооруженного насилия, «поглощая» излишнюю энергию насилия (Lynch 2016). Таким образом, в ряде случаев радикализм и радикализация могут сдерживать распространение насилия. В целом же радикализм и радикализация в значительной степени являются следствием реакции общества на существующие социально-политические и социально-экономические проблемы и поэтому должны рассматриваться, в первую очередь, через призму борьбы за по-

литическую и социальную справедливость, а не исключительно в контексте исследования феномена терроризма.

Подобного подхода придерживаются, например, авторы руководства «Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму. Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением», подготовленного ОБСЕ. Они подчеркивают: «Радикализация не представляет собой угрозу обществу, если она не связана с насилием или другими противозаконными действиями (такими как, например, разжигание ненависти), определенными в законодательстве в соответствии с международными стандартами в области прав человека. Радикализация может способствовать благотворным переменам. Например, защитники политических прав и прав человека, которые боролись за отмену рабства и за всеобщее избирательное право, в свое время считались радикалами, поскольку они противостояли взглядам, преобладавшим в тот момент в обществе» (Предупреждение терроризма... 2014: 41).

Тем не менее, начиная с 2004 г. термин «радикализация» занимает центральное место в исследованиях по вопросам терроризма и выработке политики в области борьбы с терроризмом, поскольку для правительств США и европейских стран концепция радикализации стала главной вехой «войны с террором» и предоставляет новые возможности для наблюдения за мусульманскими меньшинствами в целях предотвращения экстремизма (Schmid 2013: 1). Насколько обоснованно использование этой концепции и что она дает для понимания «корней» терроризма? Приведенный выше обзор демонстрирует скептицизм целого ряда авторов относительно эффективности такого подхода; более того, отдельные исследователи признают значительные угрозы соблюдению прав человека и демократических свобод вследствие его применения.

При этом «практически забылось, что быть радикалом – это не нарушение закона, но даже если и нарушение – это нарушение может быть легитимным. Большинство современных демократических государств не существовали бы, если бы некоторые радикалы не взяли на себя организацию восстания против иностранного ига или автократического режима» (Coolsaet 2016: 260).

Исследователи «домашнего терроризма» констатируют, что «десять лет практики контртерроризма научили нас, что многие люди говорят очень жестокие вещи, но у совсем немногих это сопровождается насильственными действиями» (Sageman 2016: 117).

Рэнди Борум подчеркивает в этой связи, что «усилия по сосредоточению внимания на «радикализации» и «радикальных идеологиях», с тем чтобы предупредить терроризм, столкнулись с серьезным вызовом: большинство радикалов не занимаются терроризмом, а многие террористы не «радикализировались» в любом традиционном смысле. Приверженность радикальным убеждениям не имеет отношения к борьбе с терроризмом или к продвижению более широких интересов глобальной безопасности, фанатичное принятие идеологии не является ни проводником, ни необходимым предвестником терроризма, а объединение этих двух концепций

подрывает способность эффективно противодействовать любой из них» (Borum 2012b: 2).

Таким образом, целый ряд ведущих исследователей обоснованно ставят под сомнение риски радикализации относительно возникновения терроризма, при том что данное мнение продолжает оставаться, к сожалению, мейнстримом в этом дискурсе.

Заключение. На наш взгляд, под «радикализацией» сейчас принято понимать а) процесс, в ходе которого люди или группы людей становятся приверженцами определенных радикальных идей или сторонниками коренных преобразований, либо б) процесс, связанный с применением радикальных методов осуществления своих целей. Правда, в последнем случае нет ясности относительно того, какими должны быть критерии отнесения методов борьбы к радикальным. Их противоправность? Или существуют какие-то иные критерии? В случае использования противоправности как критерия понятие «радикализация» становится сопоставимым с понятиями «экстремизм» и «терроризм», которые как раз и акцентирует внимание на крайних методах борьбы, связанных с насилием. При этом «противоправность» оказывается весьма относительным понятием, поскольку воля законодателя легко может «передвинуть» эту границу в тех или иных целях. Наверное, в этом контексте правильнее было бы использовать именно понятия «экстремизм» и «терроризм», а не категорию «радикализация». В классической литературе, как правило, изначально не сопровождалось негативной коннотацией понятие «радикализм» (Сергеев 2011), а значит, и процесс приобщения к радикальным взглядам сам по себе не нес негативной оценки, если не был связан с применением насилия. На наш взгляд, понятие «радикализация» не может быть признано тождественным понятию «экстремизм» в плане использования насилия как средства борьбы, поскольку радикализм постулирует иное отношение к насилию, исключая его абсолютизацию как средства преобразований. Случаи же террористической радикализации следует вынести за пределы классического понятия «радикализация», используя предложенное Р. Борумом понятие «радикализация в насильственный экстремизм».

Для комплексного понимания процесса радикализации мы полагаем разумным различать следующие уровни радикализации, которым присущи особые характеристики процессов и специфические конфигурации факторов, этот процесс обуславливающих:

- индивидуальный (радикализация личности);
- микросоциальный (радикализация определенной группы);
- макросоциальный (радикализация общества).

Рациональным представляется выделять и типовые *траектории* радикализации. Сюда отнесем:

- «радикализацию идей» (распространение радикальных идей, не связанных с насилием как средством достижения целей);
- «радикализацию действий» (ситуация радикализации, когда распространение радикальных идей сопровождается тезисом о необходимости активных действий или даже реализацией таких действий,

включая и насильственные, однако эти действия носят ограниченный, прагматичный характер и, как правило, не связаны с террористической деятельностью);

– «радикализацию в терроризм», «террористическую радикализацию» или «радикализацию в насильственный экстремизм» (особая траектория радикализации, когда распространение радикальных идей сопровождается использованием террористических методов борьбы, однако это носит избирательный и прагматичный характер; ее специфическая особенность заключается также в том, что подобный вид радикализации может охватывать только индивидуальный или микросоциальный уровень, в отличие от первых двух траекторий).

Что касается рисков радикализации, то, на наш взгляд, было бы логично говорить о нескольких этапах ее проявления, что позволяет выявить новые ракурсы изучаемого явления. В частности, целесообразно выделение следующих этапов:

1. Зарождение и циркуляция радикальных идей в обществе.
2. Достижение критической массы сторонников радикальных идей в обществе.
3. Переход к радикальным действиям ненасильственного характера.
4. Переход к насильственным действиям.

Причем очевидно, что не всегда эти этапы идут последовательно и не всегда процесс радикализации должен включать все четыре выше-названных этапа. Вполне возможен такой вариант развития, когда процессы радикализации в обществе, найдя свое практическое выражение, остановятся на ранних этапах. Соответственно, учитывая этап развития процессов радикализации, мы можем прогнозировать и его вероятные риски.

Отдельно от процессов радикализации необходимо рассматривать такое явление, как экстремизм, который выражается, как показывает анализ литературы, в насильственной либо ненасильственной форме. При этом даже «ненасильственный экстремизм» не может считаться синонимом понятия «радикализм», поскольку базируется на абсолютных иных идеологических принципах. Радикализм де-факто выступает за предоставление равных прав и свобод, в то время как экстремизм требует ограничения прав и свобод для одних за счет предоставления их другим. Например, аболиционисты выступали за предоставление гражданским прав рабам-неграм, а не за порабощение белого населения, так же как и суфражистки требовали равных политических прав для женщин, а не ограничения избирательных прав мужчин.

Кроме того, процессы радикализации следует подразделять и по принципу их идеологической направленности (леворадикальный, праворадикальный, религиозный или религиозно-политический радикализм и т.д.), что придает свою специфику как процессам формирования и распространения идей, так и характеру действий их последователей.

Следует признать, что фактически понятия «радикализм» и «экстремизм» при том что изначально они обладали серьезным объяснительным

потенциалом, сейчас стало сложно использовать для научного анализа, поскольку они в значительной степени, к сожалению, «пали жертвой» политики, отражая актуальные перипетии политической борьбы и часто становясь ярлыками (обычно дискриминирующими, стигматизирующими), которыми элиты, представляющие собой политический мейнстрим, зачастую оперируют в целях дискредитации своих оппонентов и несогласных в обществе. Поэтому анализ проявлений радикализации следует проводить только с учетом конкретных исторических условий и политических процессов, протекающих в определенном обществе. Тем самым подтверждается тезис о нецелесообразности использования на данном этапе понятия «радикализация» как абсолютного.

В настоящее время, мы наблюдаем серьезную эволюцию подходов к определению сущности понятия «радикализация» в западной традиции, одновременно констатируя серьезные противоречия во взглядах современных исследователей по ряду ключевых аспектов. Кроме того, мы находимся в ситуации путаницы и смешения понятий, что создает трудности в применении понятия «радикализация» для прикладного анализа. Объективными задачами на данный момент представляются преодоление указанных разногласий и дальнейшие усилия по формированию более четких границ понятийного аппарата применительно к изучению таких явлений, как «радикализм» и «радикализация», в том числе с опорой на исторически сложившиеся традиции трактовки этих явлений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Предупреждение терроризма и борьба с насильственным экстремизмом и радикализацией, ведущими к терроризму: Подход, основанный на взаимодействии полиции с населением, 2014. Вена : ОБСЕ. 238 с. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).

Сергеев С.А. 2011. Исследования экстремизма и радикализма в зарубежных и отечественных социальных науках. URL: https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya_Ekstreizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Сокирянская Е. 2019. Можно ли предотвратить новые волны радикализации на Северном Кавказе?, 30.01.2019 // Кавказский узел. URL: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalizazii/ (дата обращения: 15.02.2021).

Стародубровская И.В. (ред.) 2020. Управление межэтническими и конфессиональными отношениями: теория и практика / Е.А. Варшавер, Э.Ш. Идрисов, Э. Маркварт, Э.А. Паин, А.В. Ситников, И.В. Стародубровская ; под ред. И.В. Стародубровской. Москва : Проспект. 318 с.

Ashour O. 2009. The De-Radicalization of Jihadists: Transforming armed Islamist movements. London ; New York : Routledge. 224 p.

Bartlett J., Miller C. 2012. The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization // Terrorism and Political Violence. Vol. 24, iss. 1. P. 1-21. DOI: 10.1080/09546553.2011.594923.

Borum R. 2012a. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research // Journal of Strategic Security. Vol. 4, no. 4. P. 37-62. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.2.

Borum R. 2012b. Rethinking Radicalization // *Journal of Strategic Security*. Vol. 4, no. 4. P. 1-6. URL: <http://scholarcommons.usf.edu/jss/vol4/iss4/1> (дата обращения: 15.02.2021).

Bötticher A. 2017. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // *Perspectives on Terrorism*. Vol. 11, № 4. P. 73-77. URL: <https://www.jstor.org/stable/26297896> (дата обращения: 15.02.2021).

Christoyannopoulos A., Fiscella A.T. 2019. «Religious» Radicalism // *Handbook of Radical Politics* / Ed. by Ruth Kinna and Uri Gordon. New York, NY : Routledge. P. 492-509.

Coolsaet R. 2016. Epilogue. Terrorism and Radicalization: What Do We Now Know? // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / Ed. by R. Coolsaet. 2nd ed. London ; New York : Routledge. P. 259-268.

Dalgaard-Nielsen A. 2010. Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know // *Studies in Conflict & Terrorism*. Vol. 33, iss. 9. P. 797-814. DOI: 10.1080/1057610X.2010.501423.

Della Porta D. 2008. Leaving underground organizations: A sociological analysis of the Italian case // *Leaving terrorism behind: Individual and collective disengagement* / Ed. by Tore Bjørgo and John Horgan. Abington : Routledge. P. 66-87.

Glees A., Pope C. 2005. When Students Turn to Terror: Terrorist and Extremist Activity on British Campuses. London : Social Affairs Unit. 126 p.

Helmus T.C. 2009. Why and How Some People Become Terrorists // *Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together* / P.K. Davis, Kim Cragin (eds.). RAND National Defense Research Institute. P. 71-109.

Koehler D. 2017. Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism. London ; New York : Routledge. 306 p.

Kundnani A. 2012. Radicalisation: the journey of a concept // *Race & Class*. Vol. 54, iss. 2. P. 3-25. DOI: 10.1177/0306396812454984.

Lynch M. 2016. Is the Muslim Brotherhood a Terrorist Organization or a Fire Wall against Violent Extremism?, 07.03.2016 // *Carnegie Endowment for International Peace*. URL: <https://carnegieendowment.org/2016/03/07/is-muslim-brotherhood-terrorist-organization-or-firewall-against-violent-extremism-pub-62983> (дата обращения: 15.02.2021).

McCauley C., Moskalenko S. 2008. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 20, iss. 3. P. 415-433. DOI: 10.1080/09546550802073367.

Moskalenko S., McCauley C. 2009. Measuring Political Mobilisation: The Distinction Between Activism and Radicalism' // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 21, iss. 2. P. 239-260.

Neumann P., Kleinmann S.M. 2013. How Rigorous Is Radicalization Research? // *Democracy and Security*. Vol. 9, iss. 4. P. 360-382. DOI: 10.1080/17419166.2013.802984.

Pilkington H. 2019. Engaging Young People in Talking about Extremism. Why? How?, 22 May 2019 // *Aalborg Universitet: Center for Ungdomsforskning*. URL: https://www.cefu.dk/media/615190/Engaging-young-people-in-talking-about-extremism-Why-How-21May-2019-edited-for-website-final_compressed-1-.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Radicalisation Processes Leading to Acts of Terrorism: Report Prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation, 2016 // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / Ed. by R. Coolsaet. 2nd ed. London ; New York : Routledge. P. 269-287.

Sageman M. 2016. The Turn to Political Violence in the West // *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences* / Ed. by Rik Coolsaet. 2nd ed. London ; New York : Routledge. P. 117-129.

Schmid A.P. 2004. Terrorism – The definitional problem // *Case Western Reserve Journal of International Law*. Vol. 36, iss. 2. P. 375-420.

Schmid A.P. 2013. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. ICCT Research Paper. The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. 91 p. URL: <http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

Schmid A.P. 2014. Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin? ICCT Research Paper. The Hague: International Centre for Counter-Terrorism. 29 p. URL: <https://opev.org/wp-content/uploads/2019/10/Violent-and-Non-Violent-Extremism-Alex-P.-Schmid.pdf> (дата обращения: 15.02.2021).

Sedgwick M. 2010. The Concept of Radicalisation as a Source of Confusion // *Terrorism and Political Violence*. Vol. 22, no. 4. P. 479-494. DOI: 10.1080/09546553.2010.491009.

Williams J. 2016. Why average people decide to become terrorists, 14.06.2016 // *Vox*. URL: <https://www.vox.com/2016/6/14/11923514/terrorist-radicalization-orlando> (дата обращения: 15.02.2021).

Wilner A.S., Dubouloz C.-J. 2010. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization // *Global Change Peace & Security*. Vol. 22, № 1. P. 33-51. DOI: 10.1080/14781150903487956.

References

Ashour O. *The De-Radicalization of Jihadists: Transforming armed Islamist movements*, London, New York, Routledge, 2009, 224 p.

Bartlett J., Miller C. The Edge of Violence: Towards Telling the Difference Between Violent and Non-Violent Radicalization, *Terrorism and Political Violence*, 2012, vol. 24, iss. 1, pp. 1-21. DOI: 10.1080/09546553.2011.594923.

Borum R. Radicalization into Violent Extremism II: A Review of Conceptual Models and Empirical Research, *Journal of Strategic Security*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 37-62. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.2.

Borum R. Rethinking Radicalization, *Journal of Strategic Security*, 2012, vol. 4, no. 4, pp. 1-6, available at: <http://scholarcommons.usf.edu/jss/vol4/iss4/1> (accessed February 15, 2021).

Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism, *Perspectives on Terrorism*, 2017, vol. 11, no. 4, pp. 73-77, available at: <https://www.jstor.org/stable/26297896> (accessed February 15, 2021).

Christoyannopoulos A., Fiscella A.T. “Religious” Radicalism, *Ruth Kinna, Uri Gordon (eds.) Handbook of Radical Politics*, New York, NY, Routledge, 2019, pp. 492-509.

Coolsaet R. Epilogue. Terrorism and Radicalization: What Do We Now Know?, *R. Coolsaet (ed.) Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd ed., London, New York, Routledge, 2016, pp. 259-268.

Dalgaard-Nielsen A. Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know, *Studies in Conflict & Terrorism*, 2010, vol. 33, iss. 9, pp. 797-814. DOI: 10.1080/1057610X.2010.501423.

Della Porta D. Leaving underground organizations: A sociological analysis of the Italian case, *Tore Bjørge, John Horgan (eds.) Leaving terrorism behind: Individual and*

collective disengagement, Abington, Routledge, 2008, pp. 66-87.

Glees A., Pope C. *When Students Turn to Terror: Terrorist and Extremist Activity on British Campuses*, London, Social Affairs Unit., 2005, 126 p.

Helmus T.C. Why and How Some People Become Terrorists, P.K. Davis, Kim Cragin (eds.). *Social Science for Counterterrorism: Putting the Pieces Together*, RAND National Defense Research Institute, 2009, pp. 71-109.

Koehler D. *Understanding deradicalization. Methods, tools and programs for countering violent extremism*, London, New York, Routledge, 2017, 306 p.

Kundnani A. Radicalisation: the journey of a concept, *Race & Class*, 2012, vol. 54, iss. 2, pp. 3-25. DOI: 10.1177/0306396812454984.

Lynch M. Is the Muslim Brotherhood a Terrorist Organization or a Fire Wall against Violent Extremism?, March 07, 2016, *Carnegie Endowment for International Peace*, available at: <https://carnegieendowment.org/2016/03/07/is-muslim-brotherhood-terrorist-organization-or-firewall-against-violent-extremism-pub-62983> (accessed February 15, 2021).

McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism, *Terrorism and Political Violence*, 2008, vol. 20, iss. 3, pp. 415-433. DOI: 10.1080/09546550802073367.

Moskalenko S., McCauley C. Measuring Political Mobilisation: The Distinction Between Activism and Radicalism', *Terrorism and Political Violence*, 2009, vol. 21, iss. 2, pp. 239-260.

Neumann P., Kleinmann S.M. How Rigorous Is Radicalization Research?, *Democracy and Security*, 2013, vol. 9, iss. 4, pp. 360-382. DOI: 10.1080/17419166.2013.802984.

Pilkington H. Engaging Young People in Talking about Extremism. Why? How?, May 22, 2019, *Aalborg Universitet: Center for Ungdomsforskning*, available at: https://www.cefu.dk/media/615190/Engaging-young-people-in-talking-about-extremism-Why-How-21May-2019-edited-for-website-final_compressed-1-.pdf (accessed February 15, 2021).

Preventing terrorism and combating violent extremism and radicalization leading to terrorism: A police-community approach, Vienna, OBSE, 238 p., available at: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/e/116413.pdf> (accessed February 02, 2021). (in Russ.).

Radicalisation Processes Leading to Acts of Terrorism: Report Prepared by the European Commission's Expert Group on Violent Radicalisation, R. Coolsaet (ed.) *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd ed., London, New York, Routledge, 2016, pp. 269-287.

Sageman M. The Turn to Political Violence in the West, Rik Coolsaet (ed.) *Jihadi Terrorism and the Radicalization Challenge: European and American Experiences*, 2nd ed., London, New York, Routledge, 2016, pp. 117-129.

Schmid A.P. *Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review*, ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 2013, 91 p., available at: <http://www.icct.nl/download/file/ICCT-Schmid-Radicalisation-De-Radicalisation-Counter-Radicalisation-March-2013.pdf> (accessed February 15, 2021).

Schmid A.P. Terrorism – The definitional problem, *Case Western Reserve Journal of International Law*, 2004, vol. 36, iss. 2, pp. 375-420.

Schmid A.P. *Violent and Non-Violent Extremism: Two Sides of the Same Coin?*, ICCT Research Paper, The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 2014, 29 p., available at: <https://opev.org/wp-content/uploads/2019/10/Violent-and-Non-Violent-Extremism-Alex-P.-Schmid.pdf> (accessed February 15, 2021).

Sedgwick M. The Concept of Radicalisation as a Source of Confusion, *Terrorism and*

Political Violence, 2010, vol. 22, no. 4, pp. 479-494. DOI: 10.1080/09546553.2010.491009.

Sergeev S.A. *Studies of extremism and radicalism in foreign and domestic social sciences*, 2011, 17 p., available at: <https://kpfu.ru/docs/F110664239/Statya.Ekstremizm.radikalizm.sokr.bibliograf.pdf> (accessed February 15, 2021). (in Russ.).

Sokiryanskaya E. Is it possible to prevent new waves of radicalization in the North Caucasus?, 30.01.2019, *Kavkazskiy uzel*, available at: https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/mojno_li_predotvratit_novie_radikalisazii/ (accessed February 15, 2021). (in Russ.).

Varshaver E.A., Idrisov E.Sh., Markvart E., Pain E.A., Sitnikov A.V., Starodubrovskaya I.V. *Managing of interethnic and confessional relations: theory and practice*, Moscow, Prospekt, 2020, 318 p. (in Russ.).

Williams J. Why average people decide to become terrorists, June 14, 2016, *Vox*, available at: <https://www.vox.com/2016/6/14/11923514/terrorist-radicalization-orlando> (accessed February 15, 2021).

Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization, *Global Change Peace & Security*, 2010, vol. 22, no. 1, pp. 33-51. DOI: 10.1080/14781150903487956.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Василь Тимерьянович Сакаев

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института прикладных политических исследований Национально-исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; доцент, кафедра международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского федерального университета, г. Казань, Россия; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9921-3799>; Researcher ID: O-7810-2015; Scopus ID: 57189332622; SPIN-код: 4899-0150; E-mail: sakaev2003@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasil T. Sakaev

Candidate of Historical Science, research fellow, Higher School of Economics, Moscow, Russia; Associate professor, Department of International relations, World Politics and Diplomacy of the Kazan Federal University; Kazan, Russia; ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9921-3799>; Researcher ID: O-7810-2015; Scopus ID: 57189332622; SPIN-код: 4899-0150; E-mail: sakaev2003@mail.ru